

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

ПОСМОТРИ НА МЕНЯ

РАССКАЗ

Памяти А. И. Казинцева посвящается

Последнее, что он слышал, — Витькин голос: “Юрка, назад! Обвал!” Потом просто глаза закрыл на мгновение и вот — вокруг всё тихо. И темно. Совсем темно, будто свет в подвале выключили. А ведь он был на втором этаже трёхэтажки. Даже если завалило — хоть щели должны бы остаться.

Попробовал вдохнуть — грудь не придавило, а в лёгких — словно мешок пыли, закашлялся, понял, что дышать лучше поверхностно, по чуть-чуть. Хотел было прикрыть рот рукавом, но правую руку чем-то пережало, причём непонятно, в каком месте — чувствительность терялась сразу от плеча. Левую осторожно по сантиметру начал подтягивать, нащупал живот, провёл пальцами вверх до лица — как будто не мокро, значит, без кровотечений, уже что-то. Надо было пошевелить ногами, но вдруг стало страшно — может не получится, может, там перебило, и что тогда? С этими мыслями лежать? Лучше уж не знать. Всё равно самому не выбраться.

Юра вспомнил, что заходили они в этот полуобвалившийся дом где-то в районе обеда. Значит, в запасе ещё буквально пара часов, прежде чем начнёт темнеть и резко похолодает. В запасе у них, чтобы вытащить его при свете. В запасе у него, чтобы не заснуть от холода здесь навсегда.

Елена ТУЛУШЕВА — один из самых заметных молодых прозаиков. Дебютировала в 2014 году в журнале “Наш современник”. С тех пор выпустила три книги прозы. Стала лауреатом V, VII и IX Международных форумов славянских литератур “Золотой Витязь” (2014, 2016, 2018), премий “Югра” (2017), “Прохоровское поле” (2017), “Северная звезда” (2015), российско-итальянской премии “Радуга” (2017), премии им. Н. С. Лескова “Очарованный странник” (2018). Произведения переведены на китайский, немецкий, итальянский, арабский, венгерский и др. языки. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Он уже как будто подзабыл этот пронизывающий декабрьский холод первых ночей после прилёта. Уже в первые часы разбора завалов стало ясно, что спать в многоэтажных домах безумие: толчки периодически повторялись, добывая всё больше надтреснутых зданий. Но и на улице даже под сваленными ворохом куртками и найденными одеялами в первые сутки их жутко продувало. Когда ты валялся с ног где-то рядом с работающей твоей бригадой, было всё равно, как спать, лишь бы на пару часов закрыть глаза, расслабить ноющие с непривычки руки, выпрямить спину. Но потом, после такого сна, ты вставал как будто ещё более разбитый, голова гудела, тело бросало то в озноб, то в жар, а тебе нужно было снова разгребать, как можно скорее, потому что счёт шёл на минуты. Тогда ещё вытаскивали только живых, тогда ещё они были. Потом через дня три начали подвозить гробы, выкладывая штабелями в разных районах, чтобы бригадам не приходилось тратить время на перетаскивание тел. В любой другой момент жизни это бы показалось странным зрелищем — такие вот башни из свежеструганных деревянных коробок для тел.

Когда Юра предложил спать в гробах, ребята посмотрели на него с недоверием. Его самого не пугали суеверные страхи про накликивание смерти и прочее, но вот опасение, что по ошибке такой гроб могут заколотить и вывезти к захоронениям, а ты и проснуться не успеешь, зудело в нём каждый раз, когда он засыпал. Правда, недолго: после целого дня непрерывного тяжёлого физического труда в сон проваливались за считанные минуты. В первый раз попробовали спать в открытом гробу, для надёжности, а потом уже и крышкой стали прикрываться, чтобы совсем не дуло. Такой гроб обычно притаскивали к месту завала, где работала твоя бригада, и там по очереди спали по паре часов. В гробах было тепло, пахло опилками, свежим деревом и покоем в противовес уличным запахам пыли, трупов и горя.

Детский сад был первым обнаруженным зданием в районе их работы, которое практически полностью уцелело, не считая нескольких сколов. Они даже спрашивали у местного инженера, как так вышло. Оказалось, что сад не только был построен на удачном месте, но и, в отличие от большинства сложившихся, как карточные домики, зданий, был выполнен по старым образцам: стены из двойного кирпича хорошего обжига, какие-то там сваи и стяжки, выдержанный по всем правилам фундамент.

Когда строили детский сад, город всё ещё привыкал к советскому режиму, и местные не очень-то и планировали отдавать своих чад в учреждение чужим тёткам, ведь веками миссия воспитания лежала на матерях или бабушках. Так что и строительство было неспешным, как армянская трапеза в мирное время. Когда же строили всё то, что теперь высылось пыльными кучами бетона, видимо, досрочно выполняли какой-то план по расселению. Пробираясь по подвалам или полуразрушенным этажам, Юра с ребятами слышали, как сыпется под тяжестью их шагов надтреснутый пол. Добровольцев сразу предупредили — всё геройство на их ответственности. Никаких гарантий от обрушения, никакой пока что спецтехники, никакой по факту защиты. Только гордое название спелео-спасатели.

Перебравшись в детский сад, они бурно восхищались мягкими детскими матрасами. Сначала спали, поджав ноги, как придётся, потом кто-то додумался соединить вместе четыре кровати, чтобы вытянуться во всю длину. После даже начали укрываться одеялами, со временем как будто привыкнув к мысли, что воспитанники сюда придут явно не скоро. Юра как-то хотел даже сполоснуться в детской ногомойке, но вода была, конечно, перекрыта. Пришлось довольствоваться просто спальными местами в тепле и относительной тишине.

Сейчас Юра отдал бы многое даже за то, чтобы оказаться хотя бы в тёплом гробу — так сильно уже пробивал озноб. Он саркастично улыбнулся своим мыслям: “В гробу ещё оказаться успеешь”.

— Конечно, успеешь. Уже готов? — Голос раздался откуда-то сбоку. Женщина: белая кожа, черные армянские брови, только тонкие, узкий нос с горбинкой, круглые, чуть навывкате карие глаза — красивая. Смотрела на него надменно и с едва читающейся ухмылкой. Как будто видел уже где-то — не то среди местных, не то в посольстве в Москве, не то в книге.

— Видел-видел. Я за тобой давно смотрю. Ну что, дезертир. Сбежал?

— Я? Да я не солдат. Я из добровольцев! Завал пошли разбирать и вот... — недоуменно оправдывался Юра.

— А я не про армию... Я про дом твой. — Она говорила с частыми долгими паузами, как будто проверяла, как отреагирует Юра на каждую новую реплику. — Ты зачем сюда сбежал? — уже сердито спросила она.

Юра, немного опешив, не то от надменной требовательной интонации, не то от красоты, почувствовал, что у него путаются мысли.

— Вообще-то людей спасать... Услышал, что случилось, пришёл в посольство, сказали, что добровольцы нужны, никто не едет. Я и пошёл в автобус, не раздумывая.

Она смотрела как будто с сомнением или хорошо скрываемым презрением.

— Героем себя выставить хочешь? А если бы не землетрясение — дома сидел бы, что ли?

Юра замолчал, не понимая, что происходит и почему ему как будто за что-то неловко. Женщина скользила по нему взглядом, выжидая. Ледяная красота её и влекла, и отталкивала. Будто Снежная Королева. Юра словно застрял в своих мыслях, силясь сдвинуться дальше и ответить, но голова работала плохо. Сидел бы дома? Ну, не то что бы сидел — как все, работал бы, наверное. Почему вообще вопрос так поставлен...

— Свои последние слова жене помнишь? — нетерпеливо оборвала она.

Жена... А, ну да, Ольга, там, где-то в Москве. В голове будто открылся шлюз, и мысли потекли, заструились, вылавливая из памяти обрывки разговоров и сцен...

Какие конкретно слова были последними перед его отъездом — Юра, конечно, не помнил. Они поругались. Их с Ольгой конфликты разворачивались по стандартному сценарию уже года полтора. Самое жестокое, что он кричал ей: “Лучше б я сдох!” Полгода назад она в приступе своей психопатии и сама начала желать ему того же.

Как-то летом в разгаре ссоры он влетел в ванную комнату — закрыться где-то от этой ненормальной. Свет был выключен, а оказалось, за шторкой старший моется. Хотел рывкнуть, мол, в девять лет уже запираться надо. И тут сквозь шум воды услышал, как тот рыдает и что-то шепчет.

Старший всегда плакал во время родительских ссор. Утром вставал с опухшими глазами. И жаль его было, да, ну, видно плаксою вышел. С матерью-психопаткой либо жалким трусом, либо таким же психопатом и вырастешь. Пытался с ним говорить, да слова не лезли. Только гадости в её адрес.

Жена с кухни полушипит, полуорёт: “Чтоб ты сдох, скотина, тварь”. А сын всё громче бубнит: “Боженька, пожалуйста, не слушай маму. Пожалуйста, пусть папа будет жить! Пожалуйста, не слушай её!” И так тошно от этого стало, от бессилия своего, от слёз этих детских, от просьб его. Дверь прикрыл, ушёл на улицу, часа четыре слонялся. Ольга потом наутро плакала, прощения просила. Как всегда. Он сам уже не просил — не верил, что есть смысл. Какая разница — кто виноват. Это уже ничего не меняет, просто типичная формулировка, в которую его загоняли с детства, прививая, как щенку, правильную реакцию “виновен — извинись”.

Мысли Юры прервались холодным, чуть насмешливым голосом:

— Не вспомнил? — чуть ли не глазами сверкнула. И правда, как из сказки. — Пожелал ты ей, чтобы рыдала на твоей могиле. Что ж, бойся желаний своих, я услышала тебя.

Юра как будто и не удивился. Так спокойно и твёрдо она это произнесла, словно вопрос уже давно решённый, улаженный, результат очевиден... Рыдать жена, конечно, будет, да недолго, наверное. Скорее не столько из-за его смерти будет плакать, а оттого, что сама мысль жить дальше с воспоминанием последних их слов будет сдавливать ей сердце. Но люди со всем справляются. У неё останутся сыновья. Младшему всего полтора, он и не запомнил, горевать особо не станет. Ольга будет ему рассказывать что-то хорошее об отце, и в его душе папа останется героем. А вот старшему, конечно,

придётся несладко. Дети бывают жестоки, вдруг никто и не поддержит, а наоборот, будут знать, что заступиться некому. В школе, наверное, и так слывет нюней. И друзей у него, кажется, нет...

— Кажется? Хорош отец, нечего сказать. Ты когда его спрашивал про школу последний раз?

Юра не успевал проговорить вслух, как она тут же подхватывала его мысли, раскручивала в непонятном направлении, уводила от главного.

— От главного? Главное, видимо, ты сам? Твои горести-печали? Ты же хотел с ними покончить, так чего же, не рад теперь будто?

— Пацана жалко.

— А как жена его дерёт ремнём — это не жалко? Тебя как лупили — до сих пор ведь помнишь. За порванную рубашку, за поцарапанный стол, за ободранные ботинки? Забыл, как в пять лет ремень сам же матери нёс, ледяными вспотевшими ладошками сжимая?

— Я старшего даже пальцем! ...никогда, как себе в детстве слово дал. Ни разу за всю жизнь!

— Считаешь, раз сам не лупишь, то можно глаза закрыть на то, как она ему задаёт, из комнаты уйти, в телевизор уткнуться, и ты ни при чём?

Юра хотел было что-то ответить, но как во время Ольгиных извинений почувствовал, что это ничего не поменяет. Он молчал долго, не обращая внимания на то, что лежал уже будто не под завалом, а в пустой пещере с высоким сводом и тусклым ответом огня. Молчал, проваливаясь в нескончаемые сцены своей боли — в детстве, юности, в браке. Когда Юра читал в книгах, что перед смертью у человека в сознании проносится вся жизнь, он думал, что проносятся должны хорошие моменты, а не всё самое тяжёлое. Хотя сейчас стало так тошно, что и помирать вроде проще. Может, в том и суть.

Он открыл глаза, как будто ото сна, через какое-то время. Сколько прошло — не ясно. Напротив всё так же стояла она: красивая, странная Снежная Королева. И холод вокруг, будто в ледяном замке. Смотрела, не отрываясь, а ему уже и не хотелось глаза отводить. Чего стыдиться, если она и так всё про него знает.

— Ты зачем упрямый такой? Я ведь тебя сколько раз предупредила, сколько не пускала сюда!

Юра не понимал, о чём идёт речь: ведь его путь в Лениканан был таким спонтанным и таким как будто само собой разумеющимся, что он и сам удивился, будто кто-то вёл его. Из дома ушёл злой после очередного конфликта, где-то на улице услышал про землетрясение, пошёл к посольству, оттуда в автобус, потом в самолёт...

— А дальше? Я же самолёт ваш не пустила туда. Забыл?

Как тут не помнить! В тот день он впервые так остро увидел обратную сторону всеоюзной дружбы. Было не ясно, насколько целы взлётные полосы в Ереване, потому сажать самолёт решили в Баку. Но последствия конфликта народов вылились в откровенно гадкие споры там на аэродроме, когда местные не захотели пускать людей и грузы в помощь Армении по своим дорогам. Конечно, спустя несколько дней потом и враждующие поняли, что случилось, и в следующие недели помогали всей страной, но в ту ночь всю силу южной гордости и упрямства местные обрушили на их гуманитарную миссию.

В итоге Юра и ещё дюжина добровольцев решили сесть в военный вертолёт, чтобы как можно быстрее доставить хоть какую-то часть груза и рабочих рук на место.

— Вспомнил, значит? Я ведь рассчитывала, что ты обратно повернёшь, вам же предлагали. Так нет, мало того остался, ещё и пошёл подзуживать всех, чтоб не ждали до утра.

Юра улыбнулся, вспоминая, как он и правда тормозил ещё “зелёного”, только, видимо, из училища, лейтенанта, давил то на совесть, то на страх, то на будущую благодарность от начальства за находчивость. Уговорил-таки его выделить им военный вертолёт. Сейчас и сам не мог вспомнить, почему так включился, зачем носился, будто это у него кто-то под завалами лежал.

Думал ли он в тот момент о людях там... Пожалуй, что не совсем. Просто внутри всё горело, адреналин в крови.

— Правильно рассуждаешь — не сочувствие тобой двигало. Всё смотрела, одумалась ли. Остановить тебя попробовала ещё раз, в вертолёт, так нет же! — Она метнула такой взгляд, будто уничтожить его хотела. — Только такие, обезумевшие от своих идей могли согласиться прыгнуть с парашютом. Из вас даже не служил ни один, герои!

Юра помнил, как и правда осёкся и замолчал пилот после того, как все согласились на его предложение прыгать. Как будто он и сам не понял, что только что сказал или пошутил неудачно. До этого почти час вертолёт трясло так, будто они ехали в грузовике по весенней деревенской дороге, когда после недели дождей солнце за два дня высушивает всю грязь, превращая путь в каменные насыпи. Сиденья в вертолёте были железные, отчего с каждым ударом казалось, что твой позвоночник проседает. Хорошо, что снаружи царил полная темнота: наверное, если б они видели, как пляшут в окошке пейзажи от того, что их вертушку швыряет, словно кленовый лист, страх присмирил бы их. Пилоты матерились отборно и громко, пытались перекричать гул лопастей. Всем сделалось очевидно, что садиться придётся просто неизвестно куда — ни огонька, ни намёка на жизнь — разрушено всё. Потому и на вопрос, кто готов прыгнуть, все согласились, не раздумывая, хотя ни один не представлял даже, на какой высоте они находятся.

Юра улыбнулся, почувствовав снова тот прилив юношеской бравады с привкусом страха и ощущением сопричастности к чему-то большому, значимому — всё то, что сопровождало его до первого найденного трупа. Да, наверное, лучше бы было разбиться там, в ночном перелёте, как будто героем, чем вот здесь медленно заledenеть под завалом. Но и так тоже пойдёт. В конце концов, он постарался сделать в своей жизни хоть что-то стоящее и ценное. Многое, наверное, пересмотрел бы, если б дали шанс, да ну что теперь.

Юра закрыл глаза и с улыбкой начал представлять, как бы могла сложиться его жизнь... Он прокручивал самые прекрасные варианты из своих мечтаний: становился великим пианистом, которым гордилась мама, растил в деревне десяток детей, он смотрел, как старшего награждают на плацу в суворовском училище...

Юра проснулся, услышав её шорох. Наверное, прошла уже ночь. Платье шелестело совсем рядом. И пахло от неё чем-то невыразимо свежим.

— Я вспомнил!

Она вопросительно посмотрела на него, но уже без злобы.

— Последние слова мои перед отъездом вспомнил. Я ей от посольства из таксофона звонил. Сказал, что уезжаю в командировку. Чтобы деньги брала из отложенных, должно хватить. И чтобы младшего, если будет тяжело, матери отвезла моей. Так что получается другое пожелание-то. — Он слегка улыбнулся, хоть и ожидал от неё очередного злобного взгляда. В его положении бояться взгляда женщины, пусть и мистической, всё равно было бы смешно. Теперь хотелось смотреть во все глаза, пока есть время. Хотя бы смотреть на эту странную ледяную красоту. Как ни странно, она лишь слегка усмехнулась.

— Ну, если так, то ты ещё и отсюда ей передать велел, что ты в Армении. Помнишь?

— А что, дозвонился ей, что ли, тот парень? Ну, хорошо, хоть будет знать, спокойнее. Я-то не знал, что здесь связи не будет вообще, так бы ещё в Москве сказал, куда еду. Теперь спокойнее, раз дозвонились ей. А то ещё навьдумает, почему я пропал, где таскаюсь, накрутит себя, а на старшем всю злость выместит. Она ведь за все наши ссоры на нём срывалась, я же понимаю. Теперь вот успокоится, может.

Женщина смотрела как будто сквозь него. Точно, как колдунья или ведьма. Только вроде не злая уже. Просто очень холодная.

— Отпусти я тебя. Останешься жив. Но будет тебе рана на всю жизнь такая, чтобы не забыл. Не снаружи, внутри будет ныть да выкручивать. И чем дальше ты будешь вязнуть в своём бездействии и безразличии, тем сильнее она будет мучить. Жить будешь столько, сколько будешь кому-то нужен.

— А ты, тебя как зовут-то? Ты кто? — в голове мелькали армянские имена. — Нанэ? — почему-то прозвучало отчётливее других.

— Для тебя сейчас, может, и Нанэ. — Она даже как будто улыбнулась, а потом снова сдвинула брови. — И ещё. Не быть тебе здесь больше героем. Работать будешь, до смерти уставать, но живых больше не жди — не найдёшь. И благодарности не увидишь. Уезжай, когда поймёшь, что всё сделал, связи с этим местом не ищи, всё останется с тобой.

Юра услышал голоса где-то совсем рядом и крикнул в ответ, что было сил. Голос оказался сильным. Ребята вытащили его за несколько минут. Повезло: он оказался в нише арки, а руку придавило шкафом; второй такой же шкаф завалил подступы, перегородившая свет снаружи, но как только его разломали, то вытащить Юру оказалось пустяком. Его отнесли в госпиталь, но врач сразу сказал, что может отпустить счастливого. Ребята смеялись его везучести, пытаясь растормошить растерянного друга. Всё, что произошло там внутри, казалось теперь просто его бредом. Бредом замерзающего отчаявшегося человека, заблокированного в темноте.

Рассказывать кому-то про Снежную Королеву глупо, а оставаться с этими мыслями наедине казалось опасным — вдруг совсем обезуметь можно. Отоспавшись на детских кроватях, Юра вернулся к работе уже на следующее утро.

Ребята в бригаде начали замечать, что город замолчал: перестал рыдать, подвывать, кричать в небеса, бубнить молитвы возле развалин, громко тянуть спасателей за рукава: “Поскорее расчистить вот это место, там точно кто-то звал”. Повисшая тишина не казалась ни зловещей, ни пугающей, ни предвещающей что-то страшное. Она была пустой, ровной, даже вакуумной. Будто пролетела ведьма из сказки, махнула над городом плащом да забрала у людей чувства. Только вот какого-нибудь героя-спасителя, который вернул бы жителям эмоции, вовсе было не надо. Радости в этом месте ещё долго не будет, а страха и отчаяния и так хватило.

Сначала замолчали выжившие местные (стонов раненых уже не слышали несколько дней, неоткуда им было бы взяться после декабрьских ночей под завалами). Потом, как будто эхом за ними, начали умолкать и все, кто приехал помогать, — по инерции, словно и нельзя эту тишину нарушить. Юре казалось, что теперь стало легче: выдерживать все эти крики и чужую боль ему сейчас было бы невыносимо.

В повисшей тишине работа пошла конвейерная, как на заводе. Добровольцы и местные военные механически разгребали всё, что могли, местные ковырялись на развалинах, пытались выудить хоть что-то. Теперь, спустя неделю, люди начали понимать, что нужно двигаться дальше, как-то заботиться о себе, просто начать выживать: добыть одеял и тёплой одежды, попытаться откопать хоть какое-то имущество, чтобы потом продать и купить еды, достать любые кусочки, клочки той прошлой жизни — помятую фотографию, настенные часы с повисшей вывалившейся кукушкой, цветной шерстяной платок или отбитую фарфоровую статуэтку пастушки, — чтобы, хотя бы глядя на те осколки, вспоминать, согреться, находить силы жить.

Ближе к шести вечера все собирались и замирали: смотрели на вереницы деревянных, наскоро заколоченных гробов, загружаемых в грузовики. Юра с ребятами прошлой ночью видели, как эти гробы привезли после выгрузки обратно пустыми, со следами вытащенных из крышек гвоздей. Возможно, и местные это заметили, но никто не задавал вопросов. Видимо, с гробами тоже были перебои.

Как и предсказала в видении Снежная Королева, выживших Юриной бригаде больше не попадалось. Доносились слухи, что кому-то везло: вроде как вытащили полуживого мужчину, заблокированного, но не придавленного. Всем хотелось верить, но уже ясно, что их работа превратилась просто в разбор завалов.

Через неделю в город начала приезжать мощная техника: огромные краны оттаскивали плиты, экскаваторные ковши загребали целые кучи смеси бетона и всего того, что раньше было чьим-то бытом: осколки кафельной

плитки, цветастый халат, детский ботинок, уцелевший плафон, электрическая бритва... Город начали вычищать. Для группы Юры и десятка таких же работы оставалось всё меньше. Где-то смогли восстановить дороги, и теперь целыми взводами привозили солдат и профессиональных строителей. Это были серьёзные, хорошо экипированные люди, организованные в группы с руководителями, чёткими целями, ежедневными отчётами. Всё стало по-другому. Юра приехал в объятый хаосом город, в котором никто ничего не понимал, бросались к любым точкам, где была хоть какая-то надежда. Никакого плана, никакой скоординированности. Просто делай, что можешь, раз прилетел. Делай, сколько можешь, пока не упадёшь от усталости, чтобы, поспав пару часов, снова вернуться к делу. Теперь же здесь развернулись люди с указаниями, планами, структурой.

Их бригаду направили откапывать руины на месте разрушения ювелирного магазина, пояснив, что это государственно значимый объект и очень важно достать всё, что можно. Юра монотонно собирал и записывал всё, что приносили его ребята, невольно испытывая тоску и раздражение: как быстро его путь скатился от роли спасателя жизней до какого-то казначея. Никто ничего и не думал воровать, но, кажется, и ребята приуныли и погрузились в чувство бесполозности: они летели сюда не за таким трудом. Юра старался не возвращаться к своему видению, но отголоски фраз так и звучали ледяным её голосом: “Не быть тебе здесь больше героем”...

Юра уточнил у одного из лейтенантов сегодняшнюю дату. Оказалось, он просчитался на день. Уже было двадцать шестое декабря. Надо было домой. Мишка, наверное, извёлся. Юра вжал голову, поймав себя на том, что впервые за долгое время назвал сына по имени. Обычно в мыслях, да и в разговорах с кем-то он называл его просто “старший”. И как-то так непривычно стало, не то больно, не то тепло. Да и с чего вдруг он понадеялся, что Мишка по нему скучает? Пожалуй, это его, Юрина тоска по сыну вдруг дала о себе знать.

Он поговорил с ребятами, почти все решили возвращаться домой. Никто, конечно, не рассчитывал на быструю отправку — не до них сейчас, но и задерживаться здесь уже казалось бессмысленным. Однако военное начальство уже к вечеру сообщило, что завтра утром всех желающих из отряда Юры доведут до Еревана и посадят в самолёт на Москву.

Билеты им выдали на обычный гражданский вечерний рейс. В аэропорту в основном прохаживались люди в хороших пальто, с кожаными портфелями и чистыми чемоданчиками. В Москву кто попало не летел.

Юра с ребятами стояли поодаль, пока не объявили посадку. Только здесь он начал ощущать, что от их группы ужасно пахнет потом, непромытой, ночной сыростью. Большинство добровольцев, как и он, полетели из Москвы в чём были. Да даже те, кто прихватил рюкзак со сменной одеждой, всё равно за эти дни всё сносили, а стирка была неуместной. Они стояли в казённых протёртых комбинезонах, оставленных им, поскольку они были непригодны для дальнейшего использования. В одной руке Юра держал пакет с меховой шапкой и пальто, в котором сидел в московский автобус до аэропорта как будто целый год назад. Надевать его на комбинезон казалось кощунством. Во второй руке он, как и все, держал оранжевую каску с фонариком, прихваченную на память. Как странно теперь возвращаться в жизнь этого московского пальто: сесть в такси, проехаться по вечерним улицам с потоками торопящихся людей, высокими кирпичными зданиями, светящимися окнами, детской беззаботной болтовнёй по пути домой со второй смены.

Впопыхах утренних прощаний, скурых слов и последних взглядов на руины города никто из его бригады и не подумал запастись едой в дорогу. Последнюю неделю полевая кухня работала отлично, с каждым днём им привозили всё новые и новые пайки, добавляя к изначальной гречке тушёнку, другие консервы и даже овощи. Наверное, по инерции ребята предположили, что и здесь накормят. До шестичасового вылета было ещё четыре часа. Они не ели со вчерашнего вечера. Конечно, первые дни работы они провели без пищи почти трое суток, но теперь это казалось таким далёким.

Да и там, на развалах, когда каждый час время утекает и надеешься ещё кого-то спасти, там о еде не думалось так остро. А сейчас, в этом как будто промежуточном отсеке, где они застряли на несколько часов в бездействии, хотелось себя занять чем угодно: поесть, почитать, покурить, лишь бы не проваливаться в это ощущение тоски и резко накатившей ненужности.

Витька выудил из рюкзака банку сайры: “Осталась с позавчерашнего ужина!” — просил он. У кого-то раздобыли консервный нож. Банка была одна на всех: ели по кругу, стараясь выглядеть попрличней. Там, у костров, им было бы всё равно, как они выглядят, — они чувствовали себя героями, спасателями, мужиками. Здесь, среди ухоженной вычищенной публики со свежими газетами и книгами в руках, им почему-то становилось неловко.

Юра заметил на себе взгляды группы армян и отвернулся. “Мы же твоих земляков вытаскивали, чего смотришь? Сам бы полез!” — огрызнулся он про себя. Консервы доели, а в животе только разыгралась буря. Они сидели в стороне от сидений зала ожидания, опершись о стену, как будто какие-то слесари или строители. Через минут десять он заметил, что к ним направляются двое из той смотревшей компании. В голове мелькнуло притвориться спящим, чтобы никто не цеплялся.

— Простите... Вот, возьмите! — услышал он где-то сверху с классическим армянским акцентом. Подняв глаза, Юра увидел протянутый ему бутерброд. Ещё два таких же второй армянин протягивал Витьке и Сане. — Это всё, что у нас с собой есть из еды. Вы оттуда, да?

— Оттуда. Спасибо. — Ребята взяли бутерброды и начали делить с остальными.

Армяне, смущаясь, отошли. Всем стало неловко в эти пару мгновений, и Юра радовался, что подошедшие не решились задавать вопросы или благодарить. Ещё через полчаса к ним приблизилась зрелая пара: мужчина в пальто с меховой оторочкой и его дама с немного фиолетовыми волосами, пахнувшая какими-то импортными духами. Они протянули завёрнутый в бумагу большой свёрток: “Возьмите, дорогие, кушайте! Спасибо вам!” От этих слов все засмутились. Юра почувствовал, что к горлу ком подступает, и сделал вид, что закашлялся. Поспешно отвернулся, нарочито кашляя в рукав, оставив ребят самих разбираться с дарителями. Когда пара отошла, Витька развернул свёрток — запахло домашним тестом и мясом. Большой пирог явно предназначался для торжества: румяная корочка украшена цветами из теста. Такой пирог Юре пекла мама на свадьбу. Жена печь не умела. Угощение разлетелось за несколько минут, обнажив расписанное восточными узорами блюдо.

От этого пирога так захотелось домой. Не “пора” или “надо”, а именно “захотелось”. Юра попробовал сформулировать что-то конкретнее, представить квартиру или ванну, домашние тапки, запах с кухни, чистые простыни... Ничего не цепляло. Как будто просто домой — такое большое и общее. Не к Ольге или детям, не к матери в посёлок, но просто к себе.

Уже в самолёте ближе к Москве они разодрали чью-то тетрадку на листочки, чтобы оставить друг другу телефоны, по которым, конечно же, Юра никогда не позвонит. Ребята менялись на глазах: лица становились напряжённее, паузы в разговорах длиннее, движения более неловкими. Исчезла та юношеская резкость, лёгкость, импульсивность. Каждый это подмечал и не хотел подмечать одновременно.

Они прожили три недели отрезанными от мира. С каждым из них так много произошло, сколько мыслей, страхов, воспоминаний... Казалось бы, это должно было поменять мир вокруг. Но вот сейчас самолёт приземлится, они, быть может, ещё группой пройдут через здание аэропорта. Вероятно, кто-то вместе доедет на автобусе до метро, а там уже вдвоём-втроем проедут несколько станций, но всё это будет сопровождаться всё более нарастающим неловким молчанием — в этом московском мире их так мало объединяет... Лучше уж сразу уйти ото всех.

Юра часто ходил в горы, и почти каждый год до рождения младшего они с Олей сплавливались в Карелии, да и просто в профсоюзе нередко давали путёвки на двухдневные экскурсии. Из всех этих путешествий они забирали

с собой не только воспоминания, но и новые знакомства, которые перерастали в крепкую дружбу семьями. В эту поездку было совсем не так.

Он мелчком поглядывал на ребят, впервые подмечая какие-то детали их внешности, мимики, речи. Витька, оказывается, был комически лопоух, а Санёк картавил. Их объединили не песни у костра и красивые закаты, совместная палатка или общая фотография со счастливыми улыбками. Их объединило то, что Юра не захочет рассказать ни сыновьям, ни Ольге. Таким не делятся. Он, не отслуживший в армии, но получивший звание лейтенанта запаса после окончания военной кафедры, в своих юношеских снах мечтал когда-нибудь быть отправленным в горячую точку. Чтобы приехать спустя пару месяцев с таким взглядом, который видел только в советских фильмах. Чтобы жена не задавала вопросов, а лишь молча ставила еду на кухне и оставляла его одного, а он ночами, подолгу не засыпая в душной постели, выходил бы курить на балкон, часами всматриваясь в тёмное небо.

Правда ли это, что потом такие вот сослуживцы, прошедшие страшные моменты, ценят каждую возможность встречи, подолгу шумно обсуждая с постаревшими друзьями всё пройденное? Или же они просто пьют, объединённые каким-то общим, понятным всем молчанием. В любом случае, Юре казалось, что он так не сможет. Может быть, с ним что-то не так, но дальше ему хочется остаться с этим одному.

Он добрался до своего дома уже к ночи, ещё с улицы заметив в окне спальни голубое свечение телевизора (вечное его ворчание, что она не задёргивает занавески). Открыв дверь заедающим ключом, услышал, как жена в комнате торопливо начала надевать тапочки, по привычке сброшенные на пол, когда она поджимала под себя ноги. Он только успел ей крикнуть, чтобы обождала: с таксистом ещё не расплатился. Юра прошёл на кухню и достал из их семейной банки деньги; втянул воздух дома, разочарованно не уловив запаха съестного: с чего бы, он и не предупреждал о приезде, но всё же стало ещё грустнее.

Таксист отпущен, и Юра, заперев дверь, остался в этой тишине прихожей.

— Спитак? — Жена, замершая в проёме полуоткрытой двери гостиной, разглядывала его с тревожным прищуром.

— Ленинакан.

И вот они стояли, как в тех самых военных фильмах, выдерживая паузу в сцене возвращения героя домой. И она по классике жанра, конечно же, ничего не спросила, прошла на кухню и начала что-то вытаскивать из холодильника. Только сейчас вместо гордости его накрыло острое разочарование — какие же дурацкие это были мечты! Как хотелось, как нужно ему сейчас было, чтобы их сцена оказалась совсем другой, чтобы она нашла, что сказать, что-то очень важное и родное, чтобы спрашивала и плакала, и говорила снова. И это стал бы самый сильный, самый близкий их разговор за последние годы.

В середине января его забрали в больницу с подозрением на аппендицит. 1989-й начинался безрадостно. Боль, истощавшая Юру уже несколько дней, постепенно стала совсем нестерпимой. Когда к ней добавилась рвота, Ольга вызвала неотложку. В больнице его продержали почти две недели, наконец поставив диагноз “язва желудка”.

Врачи неодобрительно ворчали, мол, как он мог себя запустить в таком молодом возрасте, с недоверием слушая его ответы про отсутствие вредных привычек и абсолютно безалкогольный Новый год. Производство не вредное, работа в конструкторском бюро не стрессовая, жена готовит. Юра после их обходов подолгу лежал, укрывшись с головой казённым, пахнущим кладовкой одеялом, с ухмылкой вспоминая Снежную Королеву. Его койка стояла в углу возле окна. Если поднять руку чуть выше изголовья, то можно почувствовать сквозняк, выходящий с подоконника, а снизу он дотягивался ногами до горячей батареи. Ему нравилось чувствовать себя всеильным: самому “регулировать” холод или тепло. Как когда-то ребёнком сам придумывал себе препятствия, и сам же в фантазиях с легкостью справлялся с ними.

Знакомые в один голос охали, что, конечно же, в Армении Юра и посадил здоровье, насмотревшись на такое. Сам он не гадал, где она — правда. Теперь он часто вспоминал в деталях те несколько часов, которые провёл под завалом, вновь и вновь убеждая себя: Снежная Королева обещала, что жить он будет долго, хоть и с болью.

К марту напряжение в отношениях с Ольгой снова усилилось. Он уже предчувствовал, как хлынет из неё поток подавленного и припрятанного за время Мишкиных зимних каникул и затянувшихся скитаний по докторам. Ольга долго держалась: страх за мужа, которому врачи сулили самые неблагоприятные прогнозы, на время выдавил все остальные эмоции. Она находила через знакомых каких-то особо одарённых профессоров, выписывавших вонючие настойки и кисели, она готовила ему пресную без капли жира пищу, от которой воротило больше, чем от больничной. Она действительно старалась сдерживать свои вспышки гнева, чаще уходя вечерами читать в комнату. Но когда она демонстративно поджимала губы и, удерживаясь от очередной едкой реплики, молча отворачивалась, ему становилось тошно настолько, что хотелось уйти.

В один из вечеров, когда Ольга начала орать на Мишку за чернильное пятно на рубашке и схватилась за ремень, Юра вошёл в детскую и очень спокойно сказал: “Миша, выйди, иди, накинь куртку, надо поговорить”. Жена замерла с гримасой гнева и отвращения. Вглядываясь в её лицо, Юра понял, что ничего у них дальше не будет. Просто нечему больше быть. Она как будто слышала его мысли, подёрнула плечами, швырнула ремень в угол и ушла в спальню.

Юра шёл с сыном по унылым улицам. Март в этом году ужасно не шёл Москве, и она, словно женщина, стесняящаяся своих заштопанных колготок, вся будто робко ёжилась, глаз не поднимала, старалась стать незаметнее. Грязные подтаявшие сугробы, ещё более унылые в тусклом свете редких фонарей, пахли несвежестью, расплзались по асфальту хлюпающими лужами.

Юра взглянул на сына: Мишка шёл, засунув руки в карман заношенной куртки, опустив голову в воротник, но как будто приплясывая, перекатывался с пятки на носок. Почувствовав взгляд, сын поднял на отца глаза и робко улыбнулся. И таким он нормальным показался в этот момент, таким обычным мальчишкой! Никаким не плаксой, не размазней. У Юры защемило от ощущения вины: как мало надо было мальчику, чтобы улыбнуться — всего лишь защиты. Юра не сразу нашёлся, как коснуться сына: обнять — слишком сентиментально, за руку взять — вроде уже не маленький. Юра неловко как-то потрепал сына по макушке и притянул за плечо к себе. Мишка снова удивлённо поднял глаза.

Так они и бродили молча часа два по их невзрачному району, пока совсем не стемнело. На подходе к дому Мишка снова погрузился.

— Пап, а я вот хотел сказать. Я вот знаю, что Дед Мороза нет.

— Хм, деловой. А чего ж подыгрывал? Может, тебе уже на следующий год можно и подарок не дарить?

Мишка улыбнулся и махнул рукой.

— Подожди, пап, вот послушай. Про Дед Мороза всё понятно. Это так придумали для детей, чтобы радовать там и подарки дарить. А вот ты как думаешь, все остальные мифы и легенды — всего этого тоже никогда не бывало? И сказки вот тоже все совсем придуманные или, может, что-то очень очень давно могло быть такое, похожее?

— Вообще, советскому человеку, Мишка, особенно парню, о всяком волшебстве, сказках и прочих придумках думать и разговаривать не положено. — Юра краем глаза заметил, как сын снова начал втягивать шею и опустил подбородок в воротник куртки. — Но, я тебе скажу по секрету, я вот не уверен, что чудесного совсем нет. Или, может, оно не чудесное, а просто странное, пока необъяснимое. Не всё пока человек изучил, не всё понимает. Потому и не знаю точно, где она, правда, где вымысел, а где, может, сон.

— А знаешь, пап, мне такой сон снился, когда ты уехал, что как будто я кого-то очень сильно попросил, чтобы ты вернулся. Не помню уже, кто там

был. Но вот я так грустил, и мама злилась много, и кричала на меня много. И я прямо так сильно просил! И ты вот потом раз и через несколько дней и приехал! И я подумал, что ведь, может, это потому, что я попросил?

Юра посмотрел на Мишку:

— Да? Ну, спасибо тебе, что попросил. Наверняка помогло. А кого просил-то? Если не Дед Мороза, то, может, Снежную Королеву?

Мишка посмотрел удивлённо, не понимая, смеётся ли над ним папа или как.

— Да ну, пап, я ж знаю, что это сказки. — Мишка начал ковырять какую-то болячку на пальце. — Просто кого-то попросил.

На выходных Юра отвёз Мишку в посёлок к матери. Поначалу договорились с Ольгой, что это временная мера, но в душе Юра знал, что до конца учебного года сына лучше домой не возвращать. Мишка любил бабушку такой немальчишеской ласковой любовью, так искренне, что и сама она начала отвечать ему удивительной нежностью, такой не знакомой Юре, что будто бы даже и стеснялась при сыне своих чувств к внуку. Совсем по-другому воспитывала она Юру, своего единственного сына. Он выдохнул, пристроив Мишку, а сам отселился к другу в общежитие.

А потом был на удивление спокойный развод: Юра оставлял жене квартиру и обещал взять больше заботы о детях. Мишку решили оставить у бабушки на лето, пока младший не пойдёт в детский сад. Юра навещал сына у матери по выходным, а к осени снял комнату поближе к работе и перевёз Мишку к себе. Жена как будто и не удивилась.

Жизнь потекла своим чередом. Юра по субботам привозил Мишку к Ольге, а в воскресенье брал обоих сыновей к себе. Ольга поначалу пыталась задевать его при каждом появлении, но Юра научился играть в уставшего и больного, не реагировал на её слова, как будто не имея сил. И Ольга постепенно успокоилась, затихла. Их общение перешло в формат обсуждения нужд детей.

Ночами Юре часто снилось, что его заваливает, и снова приходит его Снежная Королева. Смотрит одобрительно и молчит.